

ПОЛ БЕЙТИ

ПОЛ
БЕЙТИ

ПРОДАЖНАЯ
ТВАРЬ

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б35

Paul Beatty

THE SELLOUT

Copyright © 2015, Paul Beatty
All rights reserved

Перевод с английского *С. Чулковой*

Серия «Интеллектуальный бестселлер. Первый ряд»

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«FOLD & SPINE»

В оформлении обложки использована иллюстрация:
studiotoks / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Серия «Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых
литературных премий»

Оформление серии: *К.А. Терина, А.Г. Сауков*

В оформлении обложки и суперобложки использована
фотография:
© Katie Stratton / Gettyimages.ru

Бейти, Пол.

Б35 Продажная тварь / Пол Бейти ; [пер. с англ. С. Чулковой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с.
ISBN 978-5-04-088789-7 (Оф. 1)
ISBN 978-5-04-088932-7 (Оф. 2)

«Продажная тварь» — провокационный роман о расизме, поллиткорректности и двойных стандартах.

Кем можно вырасти в гетто, если твой отец — жестокий человек и социолог неортодоксальных взглядов, который все эксперименты ставит над тобой? Например, продавцом арбузов и знатоком человеческих душ, как герой этой книги. И что делать, если твой родной город с литературным именем Диккенс внезапно исчезает с карты Калифорнии? Например, попытаться вернуть город самостоятельно, размечая границы. Но все, что бы ни делал герой книги, не находит понимания у окружающих, особенно у местного кружка черных интеллектуалов, давших ему прозвище Продажная тварь.

Но кто на самом деле продался — он или все остальные?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Чулкова С., перевод на русский язык, 2018
ISBN 978-5-04-088789-7 (Оф. 1) © Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-088932-7 (Оф. 2) ООО «Издательство «Э», 2018

Для Альтеи Амрик Вазоу

ПРОЛОГ

Вы не поверите чернокожему, но я никогда в жизни ничего не крал. Не уклонялся от налогов, не мухлевал в карты. Не пытался без билета попасть в кинотеатр, а в аптеке всегда возвращал лишнюю сдачу кассиршам, лишенным меркантильности, это при их-то низких зарплатах. Я не грабил чужие дома, не врвался с пистолетом в винный магазин, чтобы выгрести кассу. Не отталкивал других, чтобы попасть в автобус или вагон метро, не занимал места для пожилых и инвалидов. Не вытаскивал из штанов свой огромный член и не мастурбировал с искаженным лицом. Но вот он я, в Верховном суде Соединенных Штатов, в этом огромном здании с бесконечными гулкими залами. Мою машину незаконно отогнали и припарковали, представьте себе, на бульваре Конституции. Мои руки заведены за спину и скованы наручниками, а мое право хранить молчание уже давно нарушено и похерено. Я сижу на стуле с мягкой обивкой, который, как и все остальное в этой стране, не так уж и удобен, как может показаться на первый взгляд.

Я оказался в этом городе после того, как получил официальное письмо с большим красным штампом «ВАЖНО!» большими буквами, как на лотерейных билетах. И как приехал — кручусь ужом на сковородке.

«Уважаемый сэр, — гласило письмо. — Поздравляем, возможно, именно вы станете победителем! Из сотен апелляционных дел именно ваше было отобрано к слушанию в Верховном суде Соединенных Штатов Америки. Вам оказана высокая честь! Настоятельно рекомендуем при-

быть не позднее чем за два часа до заседания, которое состоится в 10 утра 19 марта ... года от Рождества Христова». Далее следовали подробности, как добраться до места из аэропорта, с указанием остановки метро и маршрута по автомагистрали I-95. Прилагались купоны на разные культурные мероприятия, на посещение ресторанов, проживание в мини-гостинице и прочее. Подпись отсутствовала. Письмо заканчивалось словами:

«Искренне ваш,
Народ Соединенных Штатов Америки».

Вашингтон, Ди Си, с его широкими улицами, помпезными площадями, мраморными статуями, дорическими колоннами и куполообразными крышами напоминает Древний Рим (если бы в Риме имелись свои черные бездомные, собаки, натасканные на бомбы, туристические автобусы и цветущие вишни). Вчера днем, слово эфиоп в сандалиях на босу ногу, прибывший из дремучих джунглей Лос-Анджелеса, я отважился выйти из отеля и присоединился к хаджу деревенщины в синих джинсах, медленно и патриотично обзирающей исторические достопримечательности нашей империи. Я таранился на Мемориал Линкольна и диву давался. Интересно, если бы Честный Эйб вдруг ожил, приподняв свое шестиметровое костлявое тело из каменного кресла, что бы он сказал? Или сделал? Станцевал бы брейк-данс? Сыграл бы в орлянку на обочине? Или попросил бы сегодняшнюю газету и понял, что его Союз превратился в сборище плутократов, а люди, которых он освободил от рабства, подсели на R'n'B, рэп и хищническое кредитование? Наверное, решил бы, что его навыки больше подходят для баскетбольной площадки, а не для Белого Дома. Ловил бы крученые подачи, совершал трехочковые броски, держал стойку и матерился бы при неудачной подаче. Лучше, если бы много лет назад Великий эмансипатор притормозил со своей деятельностью.

Неудивительно, что Пентагон без конца воюет, занимаясь больше нечем. Они даже запрещают туристам тут фотографироваться. Поэтому когда династия ветеранов военно-морского флота в четвертом поколении в парадных формах потихоньку всучила мне «мыльницу», я был рад послужить родине — снимал, как они встают по стойке «смирно», салютуют и делают «знаки мира» двумя пальцами. На Эспланаде я наблюдал одиночный «поход на Вашингтон». Белый парнишка лежал на лужайке, устроив инсталляцию. Казалось, что заостренный сверху памятник Вашингтону в отдалении торчит прямо из его расстегнутой ширинки как огромный белый член. Прохожие снимали парня на телефоны, а тот перешучивался со всеми, поглаживая получившийся фотоприапизм.

В зоопарке я задержался у клетки с приматами: белая посетительница сказала, что двухсоткилограммовый доминантный самец гориллы, который сидел на поваленном дереве, ревностно приглядывая за своим потомством, «похож на президента». Когда ее спутник, постукивая пальцем, указал на табличку «президентского» зверя с именем «Барака», девица громко расхохоталась, а потом испуганно умолкла, увидев рядом с собой меня — второго такого же двухсоткилограммового доминантного самца, сосущего огромный леденец «Чикита банана». Девушка безутешно заплакала и стала извиняться передо мной (наверное, за то, что я вообще родился), а потом вдруг ляпнула: «Среди моих лучших друзей есть и обезьяны». Тут уж настала моя очередь смеяться. Я сразу понял, что она из Вашингтона. Весь этот город — сплошная оговорка по Фрейду, бетонный стояк от всех американских деяний и злодеяний. Рабство? Ну конечно, я забыл: Предопределение Судьбы¹? Мещанские сериалы вроде «Лаверны и Ширли»? Невмешательство в действия Германии, которая пыталась уничтожить в Европе всех евреев? А вот мои лучшие друзья —

¹ Предопределение Судьбы (англ. Manifest Destiny) — крылатое выражение, которое используется для оправдания американского экспансионизма.

Музей африканского искусства, Музей Холокоста, Музей американских индейцев, Национальный музей женского искусства. Я вам даже больше скажу: дочь моей сестры вышла замуж за орангутанга.

Нужно потратить всего один день на прогулку — Джорджтаун и Чайнатаун, Белый Дом, Феникс-хаус, Блэр-хаус и местный наркопритон, — и в голове все сразу встает на свои места. Что в Древнем Риме, что в современной Америке — везде ты либо гражданин, либо раб. Либо лев, либо еврей. Либо виновен, либо невинен. Тебе либо удобно, либо неудобно. И здесь, в Верховном суде Соединенных Штатов Америки, у меня, скованного чертовыми наручниками и скользящего по кожаной обивке стула, есть единственный способ не соскользнуть жопой на этот проклятый пол: я откидываюсь на спинку кресла с видом не то чтобы беззаботным, но безусловно выражающим презрение к правосудию. Звеня ключами, словно колокольцами над дугой, в зал ровным строем входят парами коротко стриженные судебные приставы, похожие на тяжеловозов-кладсдейлей, связанных воедино любовью к Господу и отечеству. Главный пристав, тетка с фигурой бутылки «Бадвайзера», с перекинутыми через грудь наградами, хлопает ладонью по спинке моего сиденья, требуя, чтобы я сел прямо. Из свойственного мне гражданского протеста я демонстративно въеживаюсь в кресло еще сильнее, уперев ноги в пол, и мое ненасильственное сопротивление заканчивается тем, что я соскальзываю прямо на зад. Пристав хватает меня одной рукой (гладкой, без единого волоска) и, едва не проколов мне глаз ключом от наручников, поднимает обратно вместе со стулом и двигает к полированному, из красного дерева, столу цвета лимонного фрэша настолько близко, что я начинаю видеть собственное отражение. Я прежде не носил костюмы, и мужик, который мне его продал, сказал: «Тебе понравится, как ты в нем будешь выглядеть. Гарантирую». Но рожа, которая смотрела на меня из отражения на столе, была как у любого афроамериканца в деловом костюме — хоть с афрокосами, хоть

с дредами или лысого, — чье имя вы не знаете и чье лицо вы не узнаете; проще говоря, это была рожа преступника.

«Когда хорошо выглядишь, то и чувствуешь себя уверенно», — пообещал продавец. Гарантировал. Как вернусь домой, потребую обратно свои сто двадцать девять долларов, потому что мне ни черта не нравится, как я выгляжу и как я себя чувствую. А чувствую я себя под стать костюму — дешево, весь чешусь и вот-вот расползусь по швам.

Как правило, копы ждут благодарностей. За то, что показали тебе дорогу к почте или избили до посинения в патрульной машине, или, как в моем случае, за то, что сняли с тебя наручники, вернули травку и курительные штуки, присовокупив традиционное для Верховного суда гусиное перо. Но на лице этой приставши написано сочувствие — я заметил это еще утром, когда вместе со своей кодлой она встречала меня на сорок четвертой ступеньке под фронтоном, на котором начертано «Правосудие для всех». Они стояли плечом к плечу, шурясь на утреннем солнышке, в куртках, припорошенных вишневыми лепестками, блокируя мне вход в здание. И я, и они понимали, что это такая шарада, бессмысленная демонстрация власти. Не шутил только служебный кокер-спаниель. Шурша поводком-рулеткой, пес обнюхал мои ботинки, брюки, ткнулся мокрым сопливым носом в пах, а потом сел рядом, довольно постукивая хвостом по ступеньке. Но мне вменялось настолько ужасное преступление, что арестовывать меня за пронос марихуаны в государственное учреждение было все равно что судить Гитлера за праздншатание или обвинять «Бритиш Петролеум» в раскидывании мусора после того, как эта ТНК пятьдесят лет взрывала нефтеперерабатывающие заводы и осуществляла разливы и выбросы ядовитых веществ в окружающую среду. Поэтому я двумя ударами громко выбиваю трубку о стол из красного дерева, чищу ее ершиком, смахнув на пол кусочки смолы, набиваю самосадом, и, словно командир расстрельной команды, зажигающий дезертиру последнюю сигарету, приставша угодливо щелкает передо мной зажигалкой. Я отказыва-

юсь завязывать глаза перед казнью и делаю самую славную затяжку за всю историю курения травы. Зовите сюда всех расово профилированных, лишенных права на аборт, всех сжигателей национального флага, всех, воспользовавшихся пятой поправкой: пусть они требуют пересмотра своих дел — потому что я курю в суде высшей инстанции. Приставы уставились на меня с изумлением. Ведь я — ожившая маргышка из «обезьяньего процесса», недостающее звено в эволюции афроамериканской юриспруденции. Я слышу, как спаниель в коридоре скулит и царапает лапами дверь, пока я выдуваю ядерное грибообразное облако в лица на потолочных фризах. Хаммурапи, Моисей, Соломон — запечатленные в испанском мраморе заклинания о демократии и справедливости, — Мухаммед, Наполеон, Карл Великий и какой-то полированный древнегреческий мажор в тоге. Интересно, с одинаковым ли презрением смотрели они сначала на парней из Скоттсборо¹, а потом на Альберта Гора-младшего?

Невозмутим лишь Конфуций. На нем китайский шелковый халат с широкими рукавами, сандалии кунфу. Борода и усы как у шаолиньского мастера-шифу. Я протягиваю ему трубку, предлагая затянуться. Ведь самый долгий путь начинается с одной затяжки...

— Херня о «самом долгом пути» — это Лао-Цзы, — говорит он.

— Все хуевы философы и поэты вечно талдычат одно и то же.

Этот мой трип — последний в череде ключевых дел, связанных с расовой принадлежностью. Думаю, исследователи конституции, культурологи и палеонтологи будут обсуждать, какой след я оставил в истории человечества. Будут

¹ Группа из девяти афроамериканских юношей, в 1931 году представших перед судом штата Алабама по обвинению в изнасиловании. Дело стало поворотной вехой в борьбе против расизма и за справедливый суд. Рассмотрение дела было проведено жюри, состоящим полностью из белых присяжных, и отмечено проявлениями лжесвидетельства, отменами приговоров, попытками линчевания и недобросовестностью суда.

делать радиоуглеродный анализ моей трубки, изучать, не прямой ли я потомок Дреда Скотта, черного человека-загадки, раба в свободной стране, который был настоящим мужчиной для своей жены и детей, настоящим мужчиной, судившимся со своим хозяином, но недочеловеком согласно букве Конституции, потому что в глазах суда он оказался всего лишь чьей-то собственностью — черным двуногим «без прав, которые должен бы уважать белый человек». Будут выискивать юридические обоснования, рыться в *antebellum vellum*¹, чтобы выяснить, подтверждает или опровергает мое дело решение Верховного суда по делу Плесси против Фергюсона². Будут рыскать по заброшенным плантациям, гетто-кварталам, пригородным дворцам в тюдоровском стиле, разрешенным судом. Устроят погоню за призраками дискриминации: начнут выкапывать по задворкам окаменелые черно-белые игральные кости и домино, смахивая кисточкой пыль с замшелых судебных предписаний, сшитых в толстые тома, чтобы в итоге объявить меня «непредвиденным прецедентом поколения хип-хопа» в духе Лютера «Люка Скайуокера» Кэмпбэлла, того самого щербатого рэпера, который отстаивал свое право выступать перед белыми и пародировать их, как он пародировал до этого нас. Будь я по другую сторону судебной скамьи, я бы вырвал из рук главного судьи Уильяма Ренквиста авторучку и написал бы свое особое мнение: «Категорически утверждаю, что никакой придурок-рэпер с коронной песней вроде “Me So Horny” не заслуживает уважения своих прав хоть со стороны белого человека или любого би-боя в замшевых “пумах”».

Дым дерет горло. «Правосудие для всех!» — ору я, в общем, в никуда. Это все следствие травки и моей хрупкой конституции. В районах вроде того, где я вырос, бедных

¹ *Antebellum vellum* (лат.) — рукописные документы периода, предшествующего Гражданской войне 1789—1849 гг.

² Решение Верховного суда США, законодательно оформившее расовую сегрегацию и подтвердившее ее соответствие американской конституции.